

Горюнов А. В.

О ПОНЯТИИ ИНФОРМАЛЬНОГО ЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДОВАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-67. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ли среднего класса в два раза чаще, чем низшие слои, отмечают, что выиграли в результате реформ, и почти в два раза реже говорят, что проиграли [Беляева 2007: 10].

Позитивная оценка средним классом своей жизни теоретически должна способствовать его стремлению к поддержанию порядка. В этом смысле важно понимать, что различия между российским средним классом и низшими слоями по данному параметру носят не только количественный, но и качественный характер. Это служит аргументом в пользу того, что средние слои при сохранении существующей динамики их положения могут стать гарантом стабильности общества – ведь при всей скромности нынешнего уровня их жизни им есть, что терять.

По данным социологических исследований средний класс политически и идеологически нейтрален: ни коммунистическая, ни либеральная, ни националистическая доктрины не находят в нем серьезной поддержки. Во всех его слоях большинство составляют те, кто вообще себя идеологически ни с каким идейно-политическим течением не идентифицирует. Идеологическая нейтральность чаще всего оборачивается уходом от активной общественной жизни. Участие в общественной и политической жизни для подавляющего числа представителей среднего класса не относится к числу очевидных приоритетов в реализации жизненной стратегии, что соответствует установкам большинства населения страны.

Итак, результаты исследования средних слоев современного российского общества показывают, что они по многим параметрам отличаются от других групп населения. Эти отличия проявляются не только и не столько в характеристиках, так или иначе связанных с материальным благосостоянием, сколько в поведенческих и мировоззренческих особенностях, присущих данному слою. Средние слои современного российского общества характеризуются относительно большим распространением инновационных моделей поведения, чем общество в целом; готовностью более активно осваивать новые практики поведения в различных областях жизни, а также предпринимать шаги по улучшению своего положения и добиваться заметных положительных результатов в жизни.

Список литературы

- Беляева Л. А. И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. - 2007. - № 5.
Горшков М. К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социологические исследования. - 2000. - № 3.
Горюнова С. В. Средние слои и «средний класс» в современном российском обществе // Общественные науки и современность. - 2006. - № 4.
Россия на рубеже веков. - М., 2000.
Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. - М., 2004.
Тихонова Н. Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. - 2000. - № 3.

О ПОНЯТИИ ИНФОРМАЛЬНОГО ЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДОВАНИЯ¹

Горюнов А. В.

Ульяновский государственный университет

(1)

В научной литературе крайне редко ставился вопрос о границах и структуре «территории логического». Между тем, структура «логикосферы» во многом аналогична организации других семиотических (ментальных и «реальных») пространств [Лотман 2000: 250 – 260 и сл.]. Она включает в себя три элемента: ядро, периферию и границу.

Территория логического в последнее время стремительно расширяется, усложняется её структура. В этих условиях по поводу некоторых периферийных областей логики возникают законные сомнения относительно их логического статуса. При всей условности и подвижности границы логического, она отделяет логику как таковую (во всём её многообразии) от внелогической сферы. В связи с этим возникает важная проблема: могут ли существовать рассуждения, не входящие в компетенцию логики, но, тем не менее, являющиеся корректными, приемлемыми с тех или иных позиций? Если с известной долей осторожности давать на этот вопрос положительный ответ, то внешнее по отношению к логике пространство можно разделить, по меньшей мере, на два неравнозначных «среза». Во-первых, это «паралогика», охватывающая те рассуждения, которые претендуют на статус «логических», но содержат в себе преднамеренные или непреднамеренные *логические ошибки*. Во-вторых, «эвристика», под которой мы будем понимать «нелогические», т.е. недискурсивные, способы рассуждения.

Разграничение дискурсивных и недискурсивных способов рассуждений, как очевидно, связано с понятием логического следования. Лишь те рассуждения, которые подпадают под указанное понятие, могут считаться логичными и логическими. В настоящей статье будет предпринята попытка дать определение инфор-

¹ Исследование поддерживается грандом РГНФ (07-03-21304 а/В).

мальному логическому следованию, которое включает в себя формально-логическое следование как свой частный случай, и удостоверяет логический статус некоторых относительно молодых разделов и направлений логической науки.

(2)

Ядро логики составляют те её разделы и направления, которые опираются на понятие *дедуктивного логического следования*, определение которого можно найти в любом учебнике логики [Напр.: Гетманова 2007: 121 - 122]. Таковым, напомним, именуется такая связь между высказываниями А и В, при которой истинность А с необходимостью влечёт за собой истинность В. Последнее разумеется имеет место, е.т.е. такие же отношения существуют между логическими формами этих высказываний.

Исторически первой логической системой, опирающейся на дедукцию, стала *классическая логика* (начала «традиционная», а затем и символическая). Однако к середине XX в. структура ядра логикосферы существенно усложнилась. Такое усложнение протекало по двум направлениям.

Прежде всего, происходит расширение «зоны действия» дедуктивного следования за счёт создания *неклассических систем*. По меньшей мере, трёхзначная логика Лукасевича, система Поста, интуиционистская логика и ряд других сохраняют основные характеристики дедуктивного следования. Помимо этого, их объединяет с классической логикой и экстенциональный (нерелевантный) характер логического следования, а также его выражение на уровне синтаксиса посредством материальной импликации. Эти системы, как и классическая логика, отвлекаются от «смысла» высказываний и принимают во внимание лишь их объём. В результате в отношениях следования для данных систем могут находиться и такие высказывания и группы высказываний, между которыми нет никакой содержательной связи. В силу этого, названные системы вынуждены мириться с так называемыми парадоксами следования, прежде всего, с парадоксами материальной импликации.

Кроме того, к «ядерной» структуре логического можно отнести и модальную логику. Как правило, модальные исчисления опираются (на уровне синтаксиса, разумеется) на классическую логику с её материальной импликацией. Исключением является, пожалуй, модальные системы К. Льюиса, которые связаны с понятием «строгой импликации». Но даже строгую импликацию К.Льюиса также можно рассматривать как особый вариант представления (нерелевантного) дедуктивного следования. Во-первых, строгая импликация сохраняет экстенциональный характер. Во-вторых, избавляясь от одних парадоксов следования, она невольно продуцирует другие, не менее абсурдные парадоксы [Войшвилло 1989: 97 – 98].

Второе направление, усложняющее структуру ядра логикосферы, связано с возникновением и развитием *релевантной логики*. Согласно принципу релевантности, высказывания А и В могут находиться в отношении (дедуктивного) следования только при условии, что между ними существует «смысловая», «содержательная» связь. Иначе говоря, логическое содержание В должно составлять часть логического содержания А. В простейшем случае это означает, что при формализации рассуждений на их релевантность указывает наличие в посылках и заключении (антецеденте и консеквенте импликации), по крайней мере, одной общей переменной [Войшвилло 1989: 88 – 91 и сл.].

В результате все законы классической (и – шире – экстенциональной) логики с точки зрения логики релевантной можно разделить на два класса. Одни из них характеризуются релевантностью посылок и заключений и потому признаются приемлемыми. В других посылки и заключения нерелевантны друг другу и, следовательно, они должны быть отброшены.

(3)

Дальнейшее расширение пространства логического шло по двум направлениям: во-первых, учение о правдоподобных рассуждениях и, во-вторых, так называемую информальную логику. Первое из этих направлений распространило понятие логического следования на те рассуждения, которые априори не могут дать необходимо-истинностных заключений. Второе направление связано, в значительной степени, с введением в сферу логического анализа так называемых прескриптивных высказываний. Именно они на сегодняшний день и образуют, по нашему мнению, периферию логического.

Долгое время лишь дедуктивные рассуждения считались рациональными, а неполную индукцию и заключения по аналогии рассматривали как проблематические или вообще исключали из логики. Лишь в 40-50-е гг. XX века возник подлинный интерес к индукции и – шире – к правдоподобным рассуждениям, подклассом которых являются индуктивные умозаключения. К правдоподобным рассуждениям, помимо неполной индукции, обычно относят умозаключения по аналогии, статистические выводы, а иногда и так называемые вероятностные модусы дедуктивных умозаключений.

Правдоподобными принято называть рассуждения, заключения которых даже при условии истинности посылок и применении верного правила вывода являются истинными не с необходимостью, а лишь с определённой степенью вероятности. Как видно из самого определения, правдоподобность в логике интерпретируется через понятие вероятности (истинности заключения). Но и само понятие вероятности имело несколько интерпретаций. Можно выделить, по меньшей мере, классическую («игровую»), статистическую («частотную») и логическую вероятность. Были созданы исчисления, ориентированные специально на анализ правдоподобных рассуждений, например, вероятностная логика Х. Рейхенбаха [Рузавин 2007: 195 – 201]. Однако общепризнанных результатов, подобных достижениям дедуктивной логики, так и не было получено. В настоящее время споры по поводу истолкования вероятности продолжают, предлагаются всё новые и новые интерпретации, как самой вероятности, так и логической правдоподобности вообще.

(4)

Второе направление мы будем условно называть *информальным подходом*, или *информальной логикой* (*Informal Logic*). При этом мы позволим себе несколько расширить значение этого термина. Мы будем называть *информальной логикой* не только учение Х.Перельмана, который и ввёл данный термин, но и некоторые другие направления: учение С.Тулмина о схемах аргументации, логика норм и оценок (в частности, в варианте А.А.Ивина) и ряд других. При всём многообразии и известной разнонаправленности этих концепций, между ними есть и нечто общее.

Прежде всего, они ориентируются не столько на математику и естествознание, сколько на юриспруденцию и гуманитарные дисциплины. Кроме того, в рамках этих направлений происходит расширение сферы приложения понятия «логическое следование». Это расширение идёт по двум направлениям.

Во-первых, наряду с демонстративными рассуждениями, признавалось существование правдоподобных умозаключений, которые, как теперь считается, преобладают над демонстративными, по крайней мере, в сферах гуманитарного познания и практики. Впрочем, этот аспект был освещён выше, и мы не будем более его рассматривать.

Во-вторых, наряду с дескриптивными высказываниями, описывающими реальность, в сферу логического анализа попадают прескриптивные (предписывающие) высказывания. Последние выражают ценности, нормы, оценки и т.д., в силу чего к ним не могут быть применены понятие истины. Прескриптивные высказывания не могут быть истинными или ложными, а являются лишь приемлемыми или неприемлемыми с какой-либо (прагматической) точки зрения. Именно с этим аспектом мы и будем, по-преимуществу, связывать понятие «информальная логика».

Истоки этой концепции восходят к теории речевых актов. В её основе лежат идеи Дж. Остина [Остин 1986], развитые впоследствии Дж. Сёрлем [Сёрль 1986а; Сёрль 1986б], П. Ф. Стросоном [Стросон 1986] и др. авторами.

Долгое время считалось, что описание является едва ли не единственной функцией языка. Однако согласно теории речевых актов, язык имеет множество функций, и описание реальности является лишь одной из них. В связи с этим высказывания можно разделить на дескриптивные («описательные») и прескриптивные («предписывающие»). К последним относят нормативные, оценочные, целевые и некоторые другие виды высказываний.

Различие между дескрипцией и прескрипцией, обычно, усматривается в следующем. Дескриптивные высказывания нацелены на точное и, по возможности, полное описание реальности. Критерием их оценки является категория истины. В связи с этим они принимают так называемые значения истинности – «истина», «ложь», «неопределённость» и т.д. Прескриптивные (нормативно-ценностные) высказывания не описывают реальность, а предписывают ей определённые требования и – шире – некоторое должное состояние. Они регулируются понятием ценности и потому могут быть не истинными или ложными, а лишь приемлемыми или неприемлемыми. По меткому замечанию А. А. Ивина, «цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – сделать так, чтобы мир соответствовал словам» [Ивин 1997: 160].

Вскоре логики выяснили, что механизмы обоснования дескриптивных высказываний, с одной стороны, и способы обоснования прескрипций, с другой, существенно отличаются друг от друга. Была осознана и проблема логического перехода от прескрипции к дескрипции и обратно. На этой основе сложились такие разделы логики как логика норм и логика оценок. Среди отечественных специалистов особое место занимают исследования А. А. Ивина. Он, в частности, отмечает, что между обоснованием оценок и обоснованием дескриптивных высказываний присутствует определённая асимметрия. Это означает, что существуют способы обоснования описаний, не приложимые к оценкам, и способы обоснования оценок, не имеющие аналогов среди процедур обоснования дескрипций [Ивин 1997: 150–151].

В целом, возникновение логики норм и оценок следует расценивать как расширение сферы компетенции логического следования за счёт области прескриптивных высказываний. Прескриптивные рассуждения, как считается, в основном приводят лишь к правдоподобным заключениям, но в ряде случаев речь может идти и о дедуктивном логическом следовании.

(5)

Проблеме прескриптивных высказываний некоторое внимание уделяли и представители *информальной логики* в узком смысле. Термин «информальная логика», как уже говорилось, был введён бельгийским исследователем Х.Перельманом. Он и его сторонники своё направление называют также «новой риторикой». Оно характеризуется следующими положениями.

1. Основным предметом анализа являются рассуждения в гуманитарных дисциплинах и некоторых сферах практической деятельности (прежде всего, юриспруденции).

2. В указанных сферах преобладают правдоподобные, а не демонстративные выводы.

3. При обосновании какого-либо тезиса (выводе заключения) необходимо обращать внимание не только на характер вывода, но и на содержание аргументов (посылок). Впрочем, этот пункт относится, скорее, к теории аргументации, нежели к логике как таковой.

Термин «информальная» был добавлен Х.Перельманом к понятию «логика», в основном, в связи с третьим из указанных пунктов – требованием анализа аргументов (посылок). Этот анализ, как представлялось авторам концепции, должен быть в известном смысле «содержательным». И всё же речь идёт не об отказе от формальной логики (и, тем более, логики вообще), а лишь о выходе за пределы принятого на тот момент

формально-логического анализа рассуждений. Частицу «ин» в составе термина «информальный», вероятно, следует понимать как «выход за пределы», а не как «отбрасывание, отрицание». В силу сказанного перевод термина «Informal Logic» на русский язык как «неформальная логика» представляется неудачным, поскольку русская частица «не» означает голое или, как бы сказали марксисты, метафизическое отрицание.

Указанный «выход за пределы» формальной логики состоит на наш взгляд, в том, что представителями информального подхода *по факту* подразумевали более широкое представление о логическом следовании, нежели то, которое используется в формальной логике. Это представление мы попытаемся эксплицировать посредством понятия «информальное логическое следование». Здесь мы ещё не готовы дать точное и соответствующее всем научным требованиям определение данного понятия, и поэтому ограничимся лишь общими соображениями. Для реализации этой цели удобнее всего использовать некоторые идеи С. Тулмина [Алексеев 1991: 42-46], явно или неявно содержащиеся в его учении о схемах аргументации.

(6)

Согласно С.Тулмину, обычно используемая схема «посылки – заключение» не даёт адекватного представления о структуре рассуждений и, особенно, аргументации. Он предлагает три схемы аргументации, каждая последующая из которых усложняет и конкретизирует предыдущие. В простейшем случае структура аргументации включает в себя три элемента: данные (доводы, аргументы), заключение (тезис) и основание.

Заключение (или тезис) – это высказывание, которое подлежит обоснованию и, следовательно, должно вытекать из исходных данных.

Данные (доводы, аргументы) – это исходные положения, подтверждающие заключение. Это могут быть факты, теоретические положения и даже прескриптивные высказывания – оценочные, нормативные, телеологические и т.д.

Основание – это предложение или группа предложений, разрешающая, санкционирующая переход от данных к заключению. Важно отметить, что в качестве основания используются не только и не столько формально-логические правила вывода, но и юридические и моральные нормы, принципы и законы науки, технологические правила, общепринятые оценки и т.д.

При этой схеме данные и заключение, как правило, формулируются явно, а основание – не явно. Но важнейшее различие между основанием и данными состоит в другом. Именно основание гарантирует «логичность», поступательность и корректность перехода от данных к заключению.

Затем исходная схема дополняется ещё двумя элементами.

Во-первых, основание в одних случаях позволяет с необходимостью переходить от данных к заключению, а в других – лишь с определённой степенью вероятности. Для обозначения характера перехода от данных к заключению вводится **модальный квалификатор**. В речи он выражается при помощи модальных слов и словосочетаний. Часто необходимый характер перехода выражается словами «необходимо», «неизбежно», «обязательно», «при любых условиях». Вероятность перехода презентуется словами «возможно», «вероятно», «скорее всего» и др.

Во-вторых, к исходной схеме аргументации добавляются **исключающие условия** – это условия, при которых основание не позволяет получить заключение указанной квалификации. Исключающие условия не являются обязательным элементом аргументации – они могут быть или не быть. В некоторых случаях, они могут присутствовать в аргументационной конструкции, но не выражаться явно, а лишь подразумеваться.

Однако и вторая схема не является окончательной. К ней может быть добавлен ещё один элемент – **поддержка основания**. Этим термином обозначаются положения, которые подтверждают достоверность самого основания. Лишь теперь, по мысли С. Тулмина, схема аргументации приобретает законченный вид.

(7)

Используя высказанные С.Тулминым идеи, попытаемся определить заявленное выше понятие информального логического следования. Сразу же обратим внимание на тот факт, что информальное следование включает в себя привычное для нас логическое следование как свой **частный (предельный) случай**. Это видно из того, что в качестве основания могут выступать (дедуктивные или правдоподобные) формально-логические правила вывода, но не только они. Можно высказать осторожное предположение, что правила формальной логики обычно используются для санкционирования перехода от одних дескриптивных высказываний к другим. В тех же случаях, когда мы имеем дело с прескрипцией, в качестве основания используются прескриптивные же высказывания – нормы, ценностные установки, общепринятые оценки и т.д.

(8)

Итак, обозначим через А, В, С высказывания или группы высказываний, а через А*, В*, С* – «виды» высказываний или групп высказываний.

Из A информально следует B , е.т.е. существует такое C (вида C^*), которое санкционирует переход от высказываний вида A^* к высказываниям вида B^* .

Под «видами» (или, иначе, структурой) высказываний здесь понимается не только их «форма» в формально-логическом смысле, но и некоторые «содержательные» аспекты. Например, оценочные высказывания «невольная ложь лучше осознанной лжи» и «Неумышленное убийство лучше, чем умышленное» можно квалифицировать как высказывания вида « A лучше, чем B », где A и B – переменные величины. Теперь мы можем обозначить вид « A лучше, чем B », например, как C^* .

Очевидно, что необходимым условием информального следования является релевантность, т.е. содержательная связь, между данными и заключением. Поэтому C будет санкционировать переход от A к B , е.т.е. оно имеет такую структуру C^* , которая содержит в себе элемент a , коррелятивный A , и элемент b , коррелятивный B , а также указание на характер связи между ними. Чтобы пояснить это, продолжим наш пример.

Мы можем элементы «невольная ложь» и «неумышленное убийство» определить как «неумышленное зло». Тогда высказывания вида «совершенно неумышленное зло» обозначим как A^* . Элементы «осознанная ложь» и «умышленное убийство» являются примерами «умышленного зла». Поэтому высказывания вида «Совершенно умышленное зло» мы обозначим как B^* . Теперь мы должны уточнить, что высказывания вида C^* имеет структуру « A^* лучше, чем B^* », а не « A лучше, чем B », как мы указывали раньше.

Углубляя формализацию структуры C^* , скажем о том, что здесь присутствует ещё один элемент – связь между A^* и B^* . Общеизвестно, что связь может быть однонаправленной (несимметричной), когда переход от A^* к B^* не предполагает обратного перехода, и «двунаправленной» (симметричной), когда переход от A^* к B^* предполагает и обратный переход от B^* к A^* . Обозначим однонаправленную связь (независимо от её содержательного «наполнения») через « $\rightarrow$ », а двунаправленную связь – символом « $\leftrightarrow$ ». Понятно, что « $\leftrightarrow$ » включает в себя « $\rightarrow$ », поэтому в общем случае мы будем обозначать связь между элементами как « $\leftrightarrow$ ».

В нашем примере, как очевидно, присутствует несимметричная связь, так как если « A лучше, чем B », то «Неверно, что B лучше, чем A ». Поэтому структура C^* имеет вид « $A^* \rightarrow B^*$ ». Примером симметричной связи является, скажем, отношение «равноценно», так как если « A равноценно B », то и « B равноценно A ».

Теперь мы можем представить формальную структуру простенького рассуждения. В качестве примера возьмём следующее: « N невольно солгал, а M солгал сознательно. Поступок N всё же лучше (не так плох), чем поступок M , так как неумышленное зло, все же лучше, чем умышленное». Его структура, с учётом сделанных выше пояснений, имеет вид: «Если A и B , то $A \rightarrow B$, так как $A^* \rightarrow B^*$ ».

Таким образом, мы можем уточнить предварительное понятие информального логического следования, данное выше.

Из A вида A^* информально следует B вида B^* , е.т.е. существует C вида « $A^* \rightarrow B^*$ » или « $A^* \leftrightarrow B^*$ », которое санкционирует переход от A к B .

Список литературы

- Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 150 с.
Войшвилло Е. К. Символическая логика (классическая и релевантная): философско-методологические аспекты: Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1989. – 150 с.
Гетманова А. Д. Логика: Учебник для студентов учебных вузов. – М.: Омега-Л, 2007. – 12-е изд., стер. – 416 с.
Ивин А. А. Основы теории аргументации: Учебник. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII.
Рузавин Г. И. Основы логики и аргументации: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 320 с.
Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике.. – М., 1986 (а). – Вып. XVII
Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике.– М., 1986 (б). – Вып. XVII.
Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ, ОБЕСПЕЧЕННЫМИ ЗАЛОГОМ

Диденко С. Ю.
Пензенский государственный университет
Арбитражный суд Пензенской области

Залог как обеспечение исполнения обязательства является одним из наиболее надежных и распространенных способов удовлетворения требования кредитора в случае неисполнения должником этого обязательства.

Понятие залога, закрепленное в действующем законодательстве как способ обеспечения обязательства, при котором кредитор-залогодержатель приобретает право в случае неисполнения должником обязательства